

Какой фильм? Да все те же сцены, от которых Юй Ань отказывался — неприглядные, не для приличного общества.

После замужества за Шэнь Цзюнем Пэй Цинъи больше не хотел сниматься в откровенных сценах. На этот раз обнажения не требовалось, но лучше от этого не стало.

Потому что сцена была об избиении.

Пэй Цинъи припоминал: в том фильме, что взял Юй Ань, вроде бы не было сцены с побоями. Но режиссер сказал, что сценарист в последний момент добавил эпизод — мол, так нужно по сюжету. Юй Ань сниматься отказался, пришлось звать дублера. Остальные дублеры не слишком походили на Юй Аня телосложением, вот и ждали, пока приедет Пэй Цинъи.

Режиссер, успокаивая, сказал, что понимает: сцены с избиением дублерам даются нелегко, но он постарается снять быстро, без лишних дублей. Пэй Цинъи тихо поблагодарил, как вдруг увидел, что к монитору подошел и уселся сам Юй Ань — видимо, собрался наблюдать за съемками.

— К чему стремиться, как не к совершенству? Если сцена не выйдет — будем переснимать. Зрителям ведь все равно, сколько дублей мы сделали, — холодно бросил Юй Ань, косясь на сценариста. — Скажите, господин Чжан, ведь этот эпизод для сюжета очень важен?

— Да-да-да, — закивал пожилой мужчина, которого величали господином Чжаном. Несмотря на возраст и статус, перед Юй Анем он был подобострастен, что смотрелось отвратительно.

Пэй Цинъи скользнул взглядом по обоим и примерно понял, зачем эту сцену добавили.

Режиссер, если он не был слеп, теперь тоже видел: Юй Ань придирался к дублеру не из принципа, а назло.

К Пэй Цинъи он все же испытывал некоторую симпатию. Этот дублер никогда не ныл на грязных, тяжелых или изматывающих съемках. Даже когда сцену переснимали снова и снова, он просто продолжал работать, почти никогда не прося перерыва. И что важнее — в его игре была искра.

Таких выносливых и талантливых актеров сейчас днем с огнем не сыщешь, любой режиссер счел бы его драгоценной находкой.

Жаль...

Режиссер сдержался, чтобы не спросить: если Юй Ань так жаждет совершенства, почему бы не сыграть самому? Даже при идеальном монтаже следы дублера заметны, куда лучше, когда актер исполняет свою роль сам.

Но Юй Аня наняли за бешеные деньги, и режиссер, скованный негласными правилами, ничего поделать не мог. Он лишь вздохнул и распорядился помощнику подготовить все камеры к съемке.

Пэй Цинъи стоял, опустив голову, пока работники привязывали его к бутафорской стойке. Ему предстояло изображать битого плетью. Режиссер потребовал не показывать лицо, чтобы зрители не узнали, поэтому юноша лишь обнажил участок шеи — белой, прозрачной, как лёд.

Актер, игравший роль палача-чиновника, был облачен в древний официальный наряд. Со стены

он снял длинную черную плеть.

Хлесткий звук разрезал воздух — плеть со всей силы ударила о землю. Первый дубль начался.

У Пэй Цинъи не было ни слов, ни необходимости в мимике. Он играл не персонажа, а Юй Аня. Максимум, что от него требовалось, — это приглушенно стонать от ударов.

В таких сценах всё мастерство требуется от того, кто бьет. Удар должен выглядеть сокрушительным, но на самом деле лишь слегка касаться тела актера, почти не причиняя боли. Так могут только опытные.

Пэй Цинъи и раньше снимался в подобном и знал: больно не будет, лишь унизительно.

Но актер, игравший палача, в момент начала съемки, там, куда не доставала камера, шевельнул губами. Пэй Цинъи нахмурился: тому, казалось, хотелось извиниться.

И вскоре он понял, зачем.

Первый удар плети просвистел в воздухе, а когда обрушился на тело — боль оказалась невыносимой, жгучей.

Привязанный к стойке юноша судорожно дёрнулся, словно рыба, брошенная в кипящее масло. Спина его выгнулась, и даже режиссёр на мгновение замер: уж слишком правдоподобно получилось.

Пэй Цинъи стиснул зубы, не издав ни звука, но на лбу уже выступила испарина. С каждым новым ударом его лицо, скрытое прядями волос, всё сильнее искажалось от муки, казалось, вот-вот зубы треснут.

Он знал: кричать нельзя. Иначе придётся переснимать, а такое он не хотел бы пережить ещё раз.

Вся сцена заняла не больше пяти минут, но спина Пэй Цинъи промокла от холодного пота — исключительно от боли.

Там, где хлестала плеть, наверняка уже проступили кровавые полосы, а на более лёгких участках образовались синяки.

Режиссёр крикнул: «Стоп!» — но Пэй Цинъи всё ещё стоял, понуро опустив голову. Когда верёвки развязали, он рухнул на пол, тяжело дыша.

— Что такое? Дублер не в форме?

Режиссёр был доволен только что отснятым дублем — казалось, можно брать с первого раза. Дублер идеально передал язык тела: казалось, его и впрямь избивали, каждый удар совпадал с судорожным вздрагиванием тела.

Но, увидев мертвенную бледность Пэй Цинъи и волосы, слипшиеся от пота, он насторожился и взглянул на актера, игравшего палача. — Что там было?

Тот актер был старым волком в подобных сценах — его партнёры никогда не страдали. Почему же дублер выглядел так, будто его выжали?

Актер замялся, бросая на Пэй Цинъи виноватый взгляд, но так и не смог выдать ни слова.

Юй Ань легко подхватил разговор, и в его голосе зазвучали насмешка и холод. — Денёк-другой дома посидел — и обленился. Всего несколько минут съёмки, а он уже еле на ногах стоит. Как он дальше сниматься собирается? Непонятно, кого наняли — дублёра или барина.

Он наблюдал, как Пэй Цинъи снимается в сцене избиения, и в душе его поднималось тёмное, сладостное чувство — будто мщение свершилось.

Эту сцену он сам попросил добавить, а актера — бить по-настоящему. Оба боялись его, так что не посмеют проговориться. А Пэй Цинъи? Ха! Кто станет слушать какого-то дублёра? Даже если и поверят — кто посмеет снять с роли самого Юй Аня?

Юй Ань злился из-за того, что Шэнь Минкэ не взял его на свадьбу к дяде. На Шэнь Минкэ злость выместить не получалось, вот он и отыгрался на Пэй Цинъи.

Ведь раньше Пэй Цинъи годами терпел всё это. Он же не посмеет жаловаться Шэнь Минкэ, а тот всегда принимал сторону Юй Аня. От этой мысли на душе у Юй Аня потеплело.

Режиссёр нахмурился. Он уже собирался позвать кого-нибудь, чтобы помогли Пэй Цинъи подняться, не заболел ли тот, но юноша уже сам опёрся и встал.

Губы его были бескровны, лицо — бледное и хрупкое, казалось, ветерок сдует. Но ледяное выражение, с которым он шёл, заставляло содрогнуться.

Юй Ань, увидев, что тот направляется к нему, хоть и понимал, что ничего не случится, невольно испугался и отступил, пытаясь казаться грозным. — Ты куда? Весь грязный, не подходи!

Щёлк!

Громкий, звонкий звук привлёк всеобщее внимание. Все, кто увидел происходящее, замерли с открытыми ртами. На несколько секунд на площадке воцарилась тишина, которую нарушил почти истеричный вопль Юй Аня:

— Ты посмел ударить меня! Пэй Цинъи, ты спятил! Ты ударил меня!..

Ещё недавно самоуверенный красавец в шоке прикрывал ладонью щеку — на неаппетитно-белой коже алел отчётливый след от пощёчины, которую только что нанёс Пэй Цинъи.

Никто не мог прийти в себя, все лишь смотрели на них, остолбенев.

Глаза Юй Аня налились кровью. Он не сводил бешеного взгляда с Пэй Цинъи, пытаясь вырваться, чтобы ударить в ответ, но несколько ассистентов, боясь скандала, удерживали его.

Ассистентам хотелось плакать. Сестра Дай только что ушла — и тут такое!

Дублер, ударивший актёра, — это было за гранью понимания.

Режиссёр тоже остолбенел. Он уже звал охрану, чтобы те уволокли Пэй Цинъи, как вдруг заметил его порванный костюм: на ткани, разорванной плетью, алели пятна свежей крови.

С лица обычно мягкого и добродушного юноши исчезла привычная улыбка, теперь оно было холодным и мрачным.

Он не сопротивлялся охраннику, который тянул его прочь, но прежде, чем его увели, спокойно

произнёс:

— Я скажу всего одно слово и уйду.

<http://bllate.org/book/15935/1424376>